Выход в свет в известном американском издательстве "Рэндом хаус" фундаментального труда Софьи Лубенски – нового русско-английского фразеологического словаря восполняет заметный и давно ощущавшийся пробел в двуязычной лексикографии. В самом деле, среди русско-английских фразеологических словарей до сих пор не было ни одного, сопоставимого по охвату языкового материала, глубине его анализа и опоре на иллюстративные примеры с неоднократно переиздававшимся известным англо-русским словарем А.В. Кунина [Кунин 1984].

С. Лубенски, выпускница Ленинградского Университета, эмигрировала в США в 1976 году, защитив перед этим кандидатскую диссертацию. В настоящее время она – доцент Кафедры славянских языков и литератур Университета штата Нью-Йорк в Олбени. Словарь является итогом ее двенадцатилетних трудов – скрупулезного отбора материала, поиска английских эквивалентов и иллюстративных цитат из художественной литературы, опроса информантов, работы над словарными статьями и вспомогательным аппаратом.

В работе над словарем в качестве редакторов и консультантов принимал участие ряд высококвалифицированных специалистов. Среди них следует, в первую очередь, упомянуть оказавших ценную помощь составителю в разработке научно-теоретических основ словаря лингвистических консультантов Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука. Их труды [Апресян 1980; Мельчук, Жолковский 1984] в значительной мере определили лингвистическую ориентацию С. Лубенски. Кроме того, как пишет составитель, "щедрую помощь в поисках ответов на бесчисленные вопросы относительно употребления и стилистического регистра идиом оказали многочисленные коллеги и друзья по обе стороны океана – лингвисты, переводчики и литературоведы" (VII).

Внушительен объем словаря. Его корпус, расположенный на 1044 страницах, насчитывает 13000 русских фразеологических единиц, описываемых в 6900 словарных статьях. Как пишет С. Лубенски, в нем несколько нетрадиционным образом сочетаются признаки переводческого словаря (translational dictionary) с учебным (learner's dictionary) (XII). Это проявляется в том, что, с одной стороны, составитель ставит перед собой цель дать достаточное количество

английских эквивалентов данной фразеологической единицы для того, чтобы переводчик мог передать ее в любом контексте, а, с другой, снабдить каждый фразеологизм достаточной грамматической и семантической информацией для того, чтобы читатель мог активно использовать его в речи.

Словарь ориентирован на американский узус. Вместе с тем он рассчитан не только на американского читателя, но и на любого носителя английского языка, поскольку большинство приводимых в нем эквивалентов является общим для всех вариантов английского языка. Можно привести лишь единичные примеры, когда в словаре в качестве эквивалента дается американский вариант той или иной фразеологической единицы без указания британского (например, в качестве одного из эквивалентов фразеологизма "после драки кулаками не машут" словарь предлагает амер. *there's no use locking the barn door* <брит. *the stable door*> *after the horse is gone* <stolen>).

Нельзя не согласиться с С. Лубенски в том, что словарь принесет несомненную пользу и носителям русского языка, для которых особенно ценным окажется широкий диапазон английских эквивалентов русских фразеологических единиц и иллюстраций их употребления в многочисленных примерах и цитатах.

Остановимся на некоторых теоретических предпосылках словаря. Прежде всего укажем на то, что составитель не вполне понятным причинам использует не термин "фразеологическая единица", распространенный в нашем языкознании, а термин "идиом", привычный и понятный для американского читателя. В предисловии поясняется, что под "идиомом" имеется в виду несвободное сочетание двух или более слов, выступающее как семантическое целое. В большинстве случаев он воспроизводится как готовая единица и функционирует как часть речи или как независимое предложение. Словарь включает как идиомы *per se*, так и другие фразы с различной степенью и типом идиоматичности (XIII).

Такое несколько расширительное понимание идиома представляется вполне оправданным. Оно позволяет практически решить ряд "вечных вопросов", мучащих составителей словарей такого типа. Так, например, в приведенном выше определении в категорию идиома попадает сочетание любых слов – при этом не обязательно двух пол-

нозначных лексем, как полагают многие фразеологи, опирающиеся на известное определение словосочетания. В словаре, например, фигурирует немало сочетаний служебного слова с полнозначным (*на полу-слове, ни полушки, в драбадан*). Вопреки мнению ряда авторов, считавших недопустимым включение в разряд фразеологизмов предикативных единиц, С. Лубенски, подобно А.В. Кунину, находит место в своем словаре не только для словосочетаний, но и для предложений.

В том же определении автор пишет, что "в большинстве случаев значение идиома не выводится из значений его компонентов" (XIII). Так ли это? Ведь связанность и идиоматичность, как известно, далеко не всегда сопутствуют друг другу. В самом словаре немало несвободных словосочетаний, смысл которых явно опирается на значения их компонентов (ср., например, *целый и невероятный, все больше и больше, в заключение, другой раз*). Думается, что в целом в языке идеоматических устойчивых словосочетаний отнюдь не меньше, а, по-видимому, больше, чем идиоматичных, в особенности если принимать в расчет несвободные терминологические словосочетания типа *блок питания, валовой национальный продукт, выходить на орбиту, выходная мощность* и др. Однако как бы мы не ответили на поставленный выше вопрос, важно то, что составитель включает в словарь оба типа несвободных словосочетаний (за исключением тех, которые обычно фигурируют в словарях другого типа – например, общих и терминологических), и с таким подходом нельзя не согласиться. Кроме того, давая приведенное выше определение идиома, С. Лубенски предупреждает, что речь идет лишь о рабочем определении, отвечающем целям данного словаря.

Составитель вполне уместно указывает в предисловии к словарю и на некоторые характерные признаки идиом (например, нередко встречающуюся неполноту их парадигмы – ограниченность некоторых из них лишь одной грамматической формой, отсутствие у них порой некоторых синтаксических функций, свойственных данному типу фраз, наличие у них уникальных лексических компонентов, таких, как, например, "всеоружие" во фразе "во всеоружии" и др).

Нельзя не отметить оригинальную структуру словаря. Так, его вводная часть начинается с образцов словарных статей. Здесь на полях наглядно раскрывается построение словарной статьи, разъясняются

используемые в ней знаки (например, в круглые скобки заключается факультативный компонент фразеологической единицы, точкой с запятой разделяются описываемый фразеологизм и его синоним, за знаком "<" следуют этимологические справки и т.п.).

Достаточно четко решена сложная проблема расположения словарных статей во фразеологическом словаре. Статьи располагаются в алфавитном порядке по ключевому слову, в качестве которого, как правило, выступает полнозначное слово (*content word*). Идиоматические фразы, не содержащие полнозначных слов, помещены под первым словом (например, *ай да под ай*), именная фраза под именем, адъективная – под прилагательным, глагольно-именные – под именем и т.д. Каждое ключевое слово снабжается индексом, состоящим из его первой буквы и порядкового номера. К словарю приложен алфавитный указатель идиоматических фраз, расположенных по входящим в их состав полнозначным словам. Например, *сыграть в ящик* дается в указателе дважды – под глаголом *сыграть* и под существительным *ящик* (оба раза с указанием индекса словарной статьи – Я-71), что значительно облегчает пользование словарем.

Среди характерных черт рецензируемого словаря, отсутствующих у других двуязычных и одноязычных словарей фразеологических единиц, следует отметить, прежде всего, грамматические описания, содержащие информацию, необходимую читателю для репродуктивного овладения описываемыми единицами. Так, например, глагольные единицы представлены в словаре широко используемыми в лингвистической литературе (см., например [Мельчук, Жолковский 1984]) моделями, описываемыми символами X (субъект), Y (объект) и Z (локус). Эти модели весьма удобны, в частности, для описания часто употребляемых при переводе с русского языка на английский конверсных трансформаций, при которых субъект X и объект Y меняются местами (ср., например, описываемую в этих терминах глагольную фразеологическую единицу *попасться на глаза (кому): X попался на глаза Y-y = X caught Y's eye; Y caught sight of Y; Y's eyes lighted on X*).

Используемая в грамматических описаниях система записи может включать дополнительную информацию, указывающую на те или иные ограничения, налагаемые на данную модель. Ср., например, следующие примеры использования помет "Neg", "Imper", "NegImper", означающих грамматиче-

скую форму, в которой используется субъект, объект или предикат: *Neg Imperг не дай духом = keep your spirits <chin> up; don't let it get you down; Imperг забудь дорожку в наш дом = don't bother coming back here (ever) again; Neg X не сойдем Y-у с рук = Y will pay dearly for X.*

Грамматические описания даются в квадратных скобках и характеризуют фразеологическую единицу и ее варианты согласно используемому в них типу фразы (phrase type) – именной (noun phrases) – *выжатый лимон, сапожник без сапог, мартышкин труд*, адъективному (adjective phrases) – *ни жарко ни холодно, выше головы, гол как сокол*, глагольному (verb phrases) – *огород городить, предать огню и мечу, сходить с рук*, адвербиальному (adverbials) – *точно изпод земли, вкривь и вкось, вверх тормашками*, квантификаторному (quantifiers) – *с гулькин нос, чертова дюжина* и др., междометному (interjections) – *мать честная! что за черт! вот так!*, формульному (formula phrases) – формулы речевого этикета, например: *имею честь быть <пребывать, оставаться>, приятного аппетита! с легким паром!* или предложенческому (sentential idioms) – *не все коту масленица, дело пахнет керосином, темна вода во облацех.*

Как правило, каждой русской фразеологической единице соответствуют несколько английских эквивалентов. Это дает возможность использующему словарь переводчику выбрать вариант, в наибольшей степени отвечающий данному контексту. Так, для выражения *встать на дыбы* в значении *резко протестовать* в словаре даются следующие эквиваленты: *to put up a fight, to bristle, to kick up a fight, to rear up*. Разница между ними определяется, в первую очередь тем, что субъектом первых трех является лицо, а субъектом последнего – чувство (гордость). Ср. иллюстративные примеры: *"Нина, конечно, на дыбы: не может быть"* (Рыбаков) *Nina, of course, bristled, it couldn't be true. "Вся его гордость так и поднялась на дыбы"* (Тургенев). *All his pride reared up within him.*

С. Лубенски права, различая подлинные эквиваленты фразеологических единиц от тех, которые нарушают правило грамматического соответствия перевода подлиннику, привнося чуждый оригиналу культурно-национальный колорит. Так, например, *англ. every Tom, Dick and Harry* можно считать семантическим, но не прагматическим эквивалентом русск. *каждый встречный*. Такого

рода эквиваленты вводятся не знаком равенства, а "cf." Разумеется, их использование в переводе привело бы к англоизации русского оригинала. Вместе с тем их включение в словарь вполне оправдано, поскольку они помогают раскрыть смысл данной фразеологической единицы.

Особого внимания заслуживает собранный составителем обширный и разнообразный иллюстративный материал. Большинство словарных статей содержит цитаты из классической и современной художественной литературы, сопровождаемые опубликованными переводами. В списке литературных источников значится 104 автора – от Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Чехова до Паустовского, Катаева, Каверина, Солженицына, Аксенова, Войновича, Шукшина и др. В словаре используются примеры из 257 художественных произведений (число переводов еще больше, поскольку в ряде случаев составитель привлек иллюстративный материал из различных переводов одного и того же произведения) и 24 антологий русской литературы. В отдельных случаях, когда отсутствовал надежный иллюстративный материал из литературного источника, С. Лубенски включала в словарную статью придуманные примеры.

В некоторых случаях оригинальные и творческие решения переводчиков позволяли составителю расширить круг предлагаемых эквивалентов. Так, например, для поговорки *паны дерутся, а у холопов чубы трещат* в словаре даются два эквивалента, заимствованные из опубликованных переводов: *the poor man always gets the blame* (из Набоковского "Дара" в переводе Майкла Скэммела) и *when the masters fall out their men get the clout* (из шолоховского "Тихого Дона" в переводе Роберта Дэглиша).

Составитель использует тщательно разработанную и широко разветвленную систему помет, сообщающих разносторонние сведения об употреблении фразеологических единиц. Эти пометы разделяются на три категории: темпоральные, стилистические и эмоционально-экспрессивные. К первым относятся такие пометы, как *obs* (obsolete) "устарелый", *obsoles* (obsolescent) "устаревающий", *old-fash* (old-fashioned) "старомодный", *rare* "редкий", *recent* "недавно возникший"; ко вторым – такие, как *coll* (colloquial) "разговорный", *highly coll* (highly colloquial) "в высшей степени разговорный", *substand* (substandard) "субстандартный", *slang* "сленг", *euph* (euphemism) "эвфемизм", *iron* (ironic) "иронический", *rhet* (rhetorical) "риториче-

ский", lit (literary) "книжный", elev (elevated) "приподнятый", offic (official) "официальный", special "специализированный", folk poetic (folkloric/poetic) "фольклорно-поэтический", vulg (vulgar) "вульгарный", taboo "табу"; к третьим – такие, как humor (humorous) "шутливый", iron or humor/humor or iron (ironic or humorous/humorous or ironic) "иронический или шутливый"/"шутливый или иронический", disapprov (disapproving) "неодобительный", derog (derogatory) "уничижительный", condes (condescending) "снисходительный", impol (impolite) "невежливый", rude "грубый".

Обращает на себя внимание стремление составителя отразить в пометах тончайшие оттенки коннотативных значений фразеологических единиц. Так, например, различаются такие эмотивно-экспрессивные оттенки, как "невежливый" и "грубый", две разновидности сочетания юмористической и иронической коннотации (в одном случае шутливый оттенок превалирует над ироническим, а в другом – иронический над шутливым).

Ни одна работа, в особенности столь объемная и фундаментальная, не может избежать некоторых – пусть незначительных – изъянов. Особенностью рецензируемого словаря является, на наш взгляд, то, что его недостатки часто являются продолжением его достоинств. Так, рассмотренная выше детальная классификация помет, с одной стороны, позволяет учитывать тонкие различия в коннотации фразеологизмов, а с другой, оперирует категориями, порой трудно поддающимися дифференциации. Так, едва уловимой является грань между такими понятиями, как "устарелый", "устаревающий", "старомодный" и "редкий". Составитель определяет первую помету как относящуюся к идиомам, не употребляющимся в современном литературном или разговорном русском языке, вторую как характеризующую редко употребляемые идиомы, воспринимаемые как становящиеся устарелыми, третью как используемую по отношению к идиомам, встречающимся только или главным образом в речи пожилых людей и четвертую как означающую, что данный идиом встречается относительно редко и воспринимается как необычный (XVII–XVIII).

По-видимому, эта классификация строится на пересекающихся признаках. Думается, что один и тот же идиом может порой быть охарактеризован и как устаревший (т.е. выходящий из широкого употребления), и как старомодный (т.е. встречающийся, главным образом, у пожилых), и как редкий (т.е. воспринимаемый как необычный). Точ-

но так же едва ли можно провести четкую грань между идиомами, у которых ироничная коннотация преобладает над шутливой и теми, у которых, наоборот, ведущим признаком является ироничность. Трудно различимы и такие признаки, как "в высшей степени разговорный" (highly colloquial) и "слэнг". Первый относится к непринужденной разговорной речи (casual speech), часто эмоционально окрашенной и неприемлемой в официальных и полуофициальных ситуациях, а во второй – к идиомам, проникшим в разговорную речь из речи социальных, профессиональных и возрастных групп или же преимущественно используемым этими группами (XVIII). Думается, что едва ли имеет смысл объединять такие признаки, как социальный источник идиома и его нынешняя социальная среда. Ведь и в группе, отвечающей всем признакам "в высшей степени разговорных" единиц, вполне могут быть идиомы, впервые возникшие в социальных или профессиональных диалектах. Более четким представляется традиционное противопоставление общего и специального сленга (general and special slang), согласно которому к первому относится просторечная лексика с ярко выраженной эмоционально-оценочной коннотацией, не ограниченная в своем использовании рамками каких-либо социальных или профессиональных диалектов, а ко второму – не принятые в литературном языке слова и выражения, специфичные для социальных, профессиональных и возрастных жаргонов (см., например [Швейцер 1963 : 153]).

В целом, как отмечалось выше, предлагаемые в словаре переводы фразеологических единиц вполне адекватны и – там, где это возможно – достаточно идиоматичны. Отметим лишь отдельные, весьма немногочисленные исключения. Например, выражение *каши просят* (о сапогах, ботинках) переводится как *Xs need mending <to be repaired>*; *Xs need to be taken to the shoemaker(s)*; *Xs have holes in them*; *Xs are worn out*. Думается, что наряду с этими описательными вариантами здесь был бы уместен и более идиоматичный: *Xs are gaping <gaping>*.

Сходным образом переводится в словаре идиом *стоять у колыбели*: *X стоял у колыбели Y = X helped conceive <create, give birth to> Y*. Здесь возможен, на наш взгляд, и более выразительный перевод: *X pioneered Y*.

Выражение *с жиру беситься* означает, как известно, "привередничать от слишком сытой жизни". Наиболее точно (хотя и опи-

сательно) значение этого идиома передается в приводимом в словаре первом варианте: *It's X's plushy <cushy> life that makes him so fussy <behave capriciously, act like this, etc.>* Именно этот вариант используется в переводе приводимого примера из Толстого: *"Вишь черти проклятые! С жиру-мо! Черти!" = See what the damned devils have done! It's their plushy life that makes them do this. The devils!* В то же время другой вариант, предлагаемый в словаре (*X doesn't knowpymhe's well off*) представляется несколько спорным и менее адекватно передающим смысл исходного фразеологизма.

К вполне адекватным вариантам перевода русского фразеологизма *вашими устами да мед пить* (*may your words come true; from your mouth <lips> to God's ear(s)*) можно добавить еще один, передающий скепсис, имплицитно присутствующий в этом выражении: *It's too good to be true.*

Помимо указанных в словаре эквивалентов русской поговорки *будет и на нашей улице праздник* (*our <my, your, etc.> day will come; we'll <I'll, etc.> have our <my, etc.> day; every dog has his day*) в словарную статью можно было бы включить еще один, частично передающий образ, лежащий в основе русского выражения: *the sun will shine on our street.*

Русский идиом *свадебный генерал* первоначально означал генерала, обычно отставного, приглашавшегося в старину на купеческие свадьбы для парадности. Впоследствии он стал означать любого высокопоставленного гостя, приглашаемого на любое торжество для придания ему большей важности. Это значение передается (правда лишь частично) в приводимых в словаре эквивалентах *a very important personage <a VIP>; high muck-a-muck*. Вместе с тем в современном языке этот идиом употребляется и в более широком значении. Ср. следующий встретившийся нам пример: *"Залогом успеха была активная деятельность Марианны и Александра Александровича, которые совсем не походили на "свадебных генералов". Они принимали самое непосредственное участие во всех делах советско-французской комиссии.* Ср. перевод: *The active work of Marianne and Alexander who did not look like figureheads at all was a warrant of success. They were directly involved in all the projects of the Soviet-French Commission.* Здесь *свадебный генерал* означает номинальный руководитель, назначае-

мый благодаря его титулам, прошлым заслугам и т.п., что близко к англ. figurehead.

Выше отмечался широкий охват в словаре русской фразеологии. Есть, однако, и отдельные, сравнительно немногочисленные упущения. Так, например, в словаре отсутствуют поговорки *седина в бороду, а бес в ребро* (ср. англ. эквиваленты – *no fool like an old fool; a sugar-daddy*), уничижение <смирение> *паче гордости* (*pride that apes humility*), пословица *бодливый корове бог рог не дает* (*a cursed cow has short horns*), библеизм *устами младенцев...* (*out of the mouths of babes and sucklings...*), фразеологизм *бабье царство* (*pettycoat government*), латинизм *в здоровом теле здоровый дух* (*a sound mind in a sound body*) и др.

Достоинством словаря является то, что автору удалось включить в него немало единиц разговорной речи и сленга, обычно отсутствующих в словарях подобного типа – например, *вешать лапшу на уши* (*to dupe; to string along; не вешай мне лапшу на уши = don't give me that baloney*), *положить глаз на Y* (*to have one's eye on Y; to take a fancy to Y*), *качать права* (*to stick up for one's rights; o push for one's rights*), *нудрнуть мозги* (*X нудрум Y-у мозги = X is bullshitting <fast-talking> Y*).

Вместе с тем здесь есть и некоторые пробелы. Так нам не удалось обнаружить в словаре такие популярные сленговые неологизмы, как *ловить <хватать> кайф* "получать удовольствие, наслаждаться" (*to get a kick*), у *X-а крышка поехала* "X свихнулся <чокнулся>" (*X went nuts*), для *галочки* "для проформы" (*for form's sake*).

И, в заключение, еще одно небольшое замечание. Для российского читателя, не всегда настолько глубоко владеющего английским языком, чтобы отличить варианты перевода, построенные на подлинных английских фразеологизмах, от придуманных (порой очень талантливо) переводчиком. Было бы желательнее показать это различие графически (например, особым шрифтом).

Сделанные выше частные замечания не носят принципиального характера и ни в коей мере не противоречат той общей высокой оценке, которой, несомненно заслуживает словарь С. Лубенки. Выход его в свет – значительное событие как в русской, так и в английской лексикографии. Российские читатели будут с нетерпением ждать его появления на прилавках наших книжных магазинов и на полках наших библиотек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* 1980 – Типы информации для поверхностного компонента модели Смысл → Текст // Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband). Wien, 1980.
- Кунин А.В.* 1984 – Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4. М., 1984.

- Мельчук И.А., Жолковский А.Л.* 1984 – Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыт семантико-синтаксического описания русской лексики // Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband). Wien, 1984.
- Швейцер А.Д.* 1963 – Очерк современного английского языка в США. М., 1963.

А.Д. Швейцер